

ХУДОЖЕСТВЕННОЕ ИЗМЕРЕНИЕ

LITERARY DIMENSION

DOI: 10.22363/2618-897X-2024-21-3-469-481

EDN: NFANQH

Научная статья / Research article

Синтетизм в современной татарской прозе

Д.Ф. Загидуллина

Институт языка, литературы и искусства им. Г. Ибрагимова
Академии наук Республики Татарстан, г. Казань, Российская Федерация
✉ zagik63@mail.ru

Аннотация. Исследование посвящено новым явлениям в татарской прозе последних лет. На материале обзора и анализа знаковых произведений современных татарских писателей устанавливается, что одной из основных закономерностей развития татарской литературы является синтетизм. Он проявляется в соединении разнообразных стилевых начал в единой структуре произведения. Предпринята попытка рассмотреть особенности синтетизма в татарской литературе в стилевом и жанровом аспектах. В частности, в современной татарской прозе антиутопия, предоставив платформу для стилистического воссоединения прошлого и настоящего или настоящего и будущего, позволяет писателям вести поиск как общечеловеческих, так и национальных ценностей, составляющих основу духовности. Им представляется любовь и преданность между отцом и детьми; историческая память и др. Соединение биографического текста с лирико-романтической историей любви или реалистического — с философской, также распространенное в прозе последних лет, свидетельствует о многообразии творческих поисков.

Ключевые слова: татарская проза, синтетизм, роман, антиутопия, повесть, рассказ

История статьи: поступила в редакцию 14.05.2024; принята к печати 19.06.2024.

Конфликт интересов: автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Благодарности. Исследование выполнено в рамках реализации государственной программы Республики Татарстан «Сохранение национальной идентичности татарского народа».

Для цитирования: Загидуллина Д.Ф. Синтетизм в современной татарской прозе // Полилингвильность и транскультурные практики. 2024. Т. 21. № 3. С. 469–481. <https://doi.org/10.22363/2618-897X-2024-21-3-469-481>

© Загидуллина Д.Ф., 2024

This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 International License
<https://creativecommons.org/licenses/by-nc/4.0/legalcode>

Synthetism in Modern Tatar Prose

Daniya F. Zagidullina

IYALI named after G. Ibragimov of the Academy of Sciences
of the Republic of Tatarstan, *Kazan, Russian Federation*

✉ zagik63@mail.ru

Abstract. The study is devoted to new phenomena in Tatar prose in recent years. Based on the material of the review and analysis of the iconic works of modern Tatar writers, it is established that one of the main patterns of development of Tatar literature is synthetism. It manifests itself in the combination of various stylistic principles in a single structure of the work. An attempt is made to consider the features of synthetism in Tatar literature in stylistic and genre aspects. In particular, in modern Tatar prose, dystopia, by providing a platform for a stylistic reunion of the past and the present or the present and the future, allows writers to search for both universal and national values that form the basis of spirituality. They imagine love and devotion between father and children; historical memory, etc. The combination of a biographical text with a lyric-romantic love story or a realistic one with a philosophical one, which are also common in prose in recent years, testifies

Key words: Tatar prose, synthetism, novel, dystopia, novel, short story

Article history: received 14.05.2024; accepted 19.06.2024.

Conflict of interests: the author declares that there is no conflict of interests.

Acknowledgments. The study was carried out within the framework of the Republic of Tatarstan state program implementation “Preservation of the national identity of the Tatar people.”

For citation: Zagidullina, D.F. 2024. “Synthetism in Modern Tatar Prose.” *Polylinguality and Transcultural Practices*, 21 (3), 469–481. (In Russ.) <https://doi.org/10.22363/2618-897X-2024-21-3-469-481>

Введение

На рубеже XX–XXI вв. татарская литература, как и большинство национальных литератур бывшего СССР, стремилась освоить художественные достижения мировой литературы, адаптируя их к запросам своих читателей. Одновременно с этим происходил процесс актуализации национальной тематики и проблематики, поиска собственных путей развития, позволяющих обновлять национальные художественные традиции.

Эта ситуация во многом напоминает начало XX в., когда в литературе происходила обусловленная модернизацией татарской культуры смена картины мира. Как и в начале XX в., одним из художественных проявлений этого процесса в конце XX — начале XXI в. становится синтетизм. Видимо, это было закономерным этапом эволюции постсоветской литературы: называя синтетизм «одним из важнейших источников динамики и модернизации в общественной и культурной сферах», А.А. Федоров рассматривает его как «взаимодействие и соединение разнородных элементов», в результате которого возникают «культурное явление, течение, стиль или модель социокультурного устройства, отличающиеся от обоих составляющих компонентов и имеющие собственное качественное определенное содержание или форму» [1. С. 250–251].

В последние годы литературоведы все чаще высказываются о синтетизме как одной из основных тенденций в современной русской литературе. Например, Г.Т. Гарипова по данному поводу пишет: «90-е гг. обозначили концептуальную тенденцию не только имманентного состояния, но и перспективного развития литературного процесса — это синтетизм, тяготеющий к интерференции. Возникшая в начале XX в. тенденция сближения и слияния (до уровня интерференции) классической (реалистической) и неклассической (модернистской / постмодернистской) парадигм художественности продолжает охватывать все уровни современного литературного процесса» [2. С. 36].

Анализируя творчество В. Маканина, А. Кима, О. Ермакова, Л. Петрушевской, Г. Петрова, Ю. Мамлеева как примеры синтетического письма в современной русской литературе, Чжан Цзянхуа отмечает: «Современная литература не поддается описанию в традиционных рамках понимания эволюции как смены канонизированных форм, их разрушения и образования иных форм. И первое, что бросается в глаза при знакомстве с постсоветской литературой на стыке веков, — это ее концептуальный плюрализм, многообразие творческих поисков и калейдоскопические изменения художественных форм. Особенно актуален вопрос о выявлении новаторской сути русской прозы, которая заключается в синтетизме» [3. С. 61].

В татарской литературе рубежа XX–XXI вв. одним из проявлений синтетизма становится взаимодействие реалистической и нереалистической парадигм художественности. Как пишет Е.М. Табориская: «В XX в. реализм — это, скорее, не метод, хотя генетическая преемственность с реализмом XIX в. сохраняется, а именно тенденция, позволяющая гибко и быстро отражать меняющуюся жизнь, впитывать и осваивать достижения нереалистической литературы» [4. С. 70]. Схожие явления обнаруживаются и в других национальных литературах [5. С. 167].

Несмотря на общие типологические черты, синтетизм в каждой национальной литературе имеет особенности. Так, относительно русской литературы Г.Т. Гарипова в качестве таковых называет неомифологизацию и экзистенциализацию художественного сознания, которые, по словам исследовательницы, позволяют сформировать наиболее «яркие художественные интерференции реалистического и модернистского векторов» [2. С. 38].

Обсуждение

В татарской литературе активность синтетизма связана с развитием антиутопии, которая предоставляет писателю возможность связать воедино прошлое и настоящее или настоящее и будущее как самостоятельные тексты, воссозданные двумя способами письма. Выбор жанра уже предполагает соблюдение конститутивных для антиутопии жанровых принципов: это, с одной стороны, попытка представить на суд читателя общество, построенное на иллю-

зии идиллии; с другой — страх перед будущим, в котором утрачиваются самые важные общечеловеческие ценности. Синтетизм позволяет писателям, наряду с поиском опор для противостояния всеобщей бесчеловечности, указать на национальные, этнические духовные силы, способные сохранить в обществе стремление к добру, красоте, истине.

В повести М. Кабирова «Сагындым, кайт инде...» («Истосковался, вернись уже...»), 2008) автор предупреждает о возможности исчезновения человечества, которое начинается с уничтожения книг, установления тотального контроля за людьми. Перед читателем возникают две модели развития человечества, которые представлены как детство и взрослая жизнь одного героя по имени Искандер. В событиях прошлого он предстает под конкретным именем как талантливый мальчик, воплотивший свои мечты и ставший писателем, а в настоящем номинируется отвлеченным именем Язучы (Писатель), который стремится разгадать тайну исчезновения своего отца, а также причин коренных перемен в мире (детективный сюжет). Это позволяет автору отразить в частной истории историю человечества. «Через всю свою жизнь, — пишет Л. Юзмухаметова, — он несёт тоску об отце, по родной земле и по благородным односельчанам, некогда бескорыстно помогавшим сироте Искандеру. Вся эта тоска в совокупности звучит как тоска по Человеку — умеющему любить, сострадать, делать добро, плакать, смеяться, улыбаться и думать. Современный человек, по тексту, это жертва тоталитарного мироустройства, все святое в нем безжалостно уничтожается, при таком раскладе сил превращение людей в роботов неизбежно» [6. С. 158].

Настоящее в произведении М. Кабирова — время победы тотального контроля над человеком — изображается как переживаемые Искандером события, а также при помощи жены Искандера — Тансылу, в ее мыслях и переживаниях. В создаваемой автором абсурдной картине развитие цивилизации представлено как движение к роботизации, на пути к которой люди превращались в роботов. Этот процесс начинается с исчезновения отца Искандера и уничтожения книг. В описании этого процесса М. Кабиров обращается к натуралистическим образам и деталям (реалистическое начало), а также использует узнаваемые призывы, констатации, якобы прозвучавшие во время массовых мероприятий, разъясненные в научных статьях (демифологизация тоталитарной идеологии). Этот текст завершается констатацией, что на Земле уничтожен последний человек. Для описания предполагаемого будущего человечества автор использует стандартные для антиутопии представления: власть находится в руках роботов; при помощи тотального контроля и таблеток они зомбируют людей, уничтожая способность мыслить и чувствовать; зомбированные люди не могут трезво смотреть на происходящее, они довольны своей жизнью и т.д.

В самые критические моменты в памяти Искандера возникает образ прошлого, придавая ему силы противостоять тоталитарному преследованию. Этот образ создается с привлечением приемов романтического стиля: в воспомина-

ниях описываются любящий и любимый отец, мать, дружеские взаимоотношения с односельчанами. Узнаваемые картины деревенской жизни и использование главной оппозиции татарской литературы 1960-х гг. — «духовное — материальное», название произведения и звучащие рефреном на протяжении всей повести слова «Сагындым, кайт инде» («Истосковался, вернись уже») указывают на один из вариантов прочтения текста: сохранить духовность, человечность помогают книги, любовь и взаимопонимание в семье, поддержка в обществе и родные места. Эти четыре ценности представлены как своеобразный текст, слово татарского писателя, обращенное к человечеству.

В образе Искандера проявляется новый миф о спасителе, который должен одержать победу при помощи слова, литературы. Но М. Кабиров находит свою версию ответа на вопрос, в чем он черпает силы для борьбы. Любовь и преданность между отцом и сыновьями в повести оказываются сильнее всех других чувств, что указывает на то, что эта архетипическая связь выступает как универсальное начало бытия, помогающее выжить в мире. Язучы продолжает писать ради своих детей, они действительно получают его книгу, и хотя в финале повести М. Кабиров приводит своего персонажа к смерти, последняя картина (на поляне в непроходимом лесу его дети читают людям написанную им книгу), преодолевает эсхатологию.

В духе антиутопии написан и роман М. Кабирова «Китап» («Книга», 2014). В нем автор использует композиционный прием «текст в тексте», который впервые был им применен в повести «Сары йортлар сере» («Тайна желтых домов», 2002). В этом более раннем произведении М. Кабиров графически (разными шрифтами) маркирует тексты, принадлежащие разным субъектам повествования: рассказчику и свидетелям.

В «Китап» основной текст — фантастический, он уводит читателя в будущее, в котором нет книг, автоматизированная система контролирует и руководит даже мыслями и чувствами зомбированных людей, является «генератором иллюзий» [б. С. 237]. Здесь присутствует та же, что и в повести «Сагындым, кайт инде», оппозиция духовного и материального: культ материального, приводит к уничтожению литературы (книги уничтожают сами же люди за материальное вознаграждение). М. Кабиров, так же как и в первой повести, моделирует одну из возможностей будущего своего народа и человечества, предупреждая о грозящей им опасности. Вместе с тем фантастический текст составлен таким образом, что в нем в критические моменты, когда возникает ситуация тревоги и опасности, слышится фраза «итта-ритта-риттата», на эмоциональном уровне подчеркивая некомфортность человеку в мире роботов.

Главные герои этого текста — Ильдар и Лейла — находят спрятанный в XXI в. раритет — книгу. Поиск причин ее исчезновения позволяет автору воссоздать второй текст, в котором преобладает романтическое начало. Герой второго текста является автором этой книги, в которой он описывает социокультурное состояние общества начала XXI в. М. Кабиров оставляет возмож-

ность идентифицировать его как перемещавшегося из будущего Ильдара: его научный руководитель проводит эксперимент и чтение книги о прошлом позволяет ему вернуться из будущего. Таким образом, главной силой человечества выступает здесь историческая память, заключенная в книгах.

Как и в первом произведении, образ главного героя объединяет в себе разные стили (фантастика, жестокий реализм, романтизм, детектив), порождая на их стыке новые смыслы, касающиеся философии человека и человечества. Вместе с тем настоящее изображается в этническом ключе: развитие событий провоцирует дискуссия между писателем Ильдаром и нефтяным бароном Даутовым по поводу татарской книги. Даутов, используя все свое могущество (закрываются библиотеки, книжные магазины, типографии, отпадает необходимость в бумаге, книга заменяется масс-культурой и др.), на примере татарского социума хочет доказать, что, «если литература исчезнет, ничего в мире не изменится, люди даже не почувствуют этого» [6. С. 275]. И в «будущем» научным руководителем Ильдара является татарин Рамиль Ахметович, который дает ему книгу и отправляет его сознание в виде информационных волн в прошлое.

В идейно-тематическом плане роман М. Кабирова созвучен с антиутопией азербайджанского писателя Али Акбера «Амнезия» (2010). Сам писатель в качестве эпиграфов к главам использовал цитаты из зарубежной литературы — Р. Брэдбери, С. Кинга и У. Стриберга, тем самым вписывая свой роман в ряд известных произведений, рассказывающих об опасностях, грозящих будущему человечества (примечательно, что в первоначальном, опубликованном в журнале варианте текста их не было). Описание «болезней» человечества, возникших после исчезновения книги (необразованность, беспамятство, страх жить, алкоголизм и наркомания, предпочтение виртуальной реальности, невозможность рожать детей), напоминает роман Г. Исхаки «Ике йёз елдан соң инкыйраз» («Исчезновение через двести лет», 1903), в котором писатель, так же один за другим, показывал недостатки, болезни татарского общества начала XX в. Поэтому антиутопия М. Кабирова прочитывается как предупреждение, адресованное татарам, теряющим свой язык и литературу.

Похожая структура антиутопии с целью предупреждения нежелательного выбора путей развития отдельно взятого народа и государства прослеживается в известной повести «Белый овен, черный овен» (2006) азербайджанского писателя Анара, который описывает три разные возможности развития государства Азербайджан после развала Союза, придерживаясь национального культурного контекста.

В романе-антиутопии с элементами детектива «Фэхрине үтереп ташладылар» («Убийство Фахри», 2021) Р. Сабыра «настоящее» выступает как развязка, окончательное раскрытие преступления, которое происходит в финале. Всплывающее в воспоминаниях бывших друзей «прошлое» состоит из двух самостоятельных историй. В истории предательства друга на первый план

выходит документальное начало; в истории предательства юношеских идеалов — ироническое начало. Заглавие романа отсылает читателя к известному роману Г. Ибрагимова «Тирэн тамырлар» («Глубокие корни», 1928), начинающегося предложением «Фэхрине үтереп ташладылар». Роман Г. Ибрагимова посвящен установлению советской власти, и вынесенная в сильную позицию текста (заглавие) реминисценция указывает на возможность поиска причин происходящего в советской идеологии, которая стала управлять людьми, используя такие рычаги, как страх и зависть. Фраза «Фэхрине үтереп ташладылар» несет в себе метафорическое значение: это — уничтожение в социуме человеческих качеств: добра, взаимопомощи, дружбы, любви, верности, истины.

Другая разновидность синтетизма в современной татарской литературе — соединение биографического текста с лирико-романтической историей любви — обнаруживается в романе-антиутопии Р. Зайдуллы «Ильяс Алкинның соңгы мэхэббәте» («Последняя любовь Ильяса Алкина», 2020).

В основе романа история последней поездки известного татарского политика и ученого И.С. Алкина в 1937 г. в Ташкент. Прозаик очень эмоционально описывает красивую придуманную историю встречи двух людей, вспышку взаимного чувства, которое прерывается арестом Ильяса в финале, и на этой волне кажется, что название романа указывает на его любовь к Луизе.

Основной текст — биографическая часть романа — отражает политические события в России начиная с 1917 г. Прозаик детализированно восстанавливает события, происходившие в 1917–1920 гг. Ему удается избежать советской черно-белой однобокости при воссоздании характеров исторических личностей — З. Валиди, адмирала Колчака, М. Саитгалиева, М. Султангалиева, С. Атнагулова, Г. Ибрагимова, А. Мухетдинии и др. Наличие прототипов героев, достоверность описываемых событий и повторяемые ключевые слова, такие как «курку» («страх»), «кызыл кыргын» («красный мор»), «корыч мыеклы, тимер йодрыклы диктатор» («диктатор со стальными усами и железным кулаком») и др., становятся маркерами демифологизации советского строя.

В контексте общественно-политических событий в стране деятельность И. Алкина раскрывается как любовь к своей нации, своей родине. В тексте, в мыслях героя еще раз подчеркивается, что любовь к своему народу и вера в его будущее — его последняя и единственная любовь. Таким образом, биографический текст воспринимается историей трагической любви сильной личности к татарскому народу.

Необходимо отметить, что использование биографического текста в таком же плане прослеживается и в романе М. Кабировова «Шамил» (2020), посвященного судьбе красного комиссара Ш. Усманова, в котором параллельно развиваются документальное и импрессионистическое начала. Подобный синтез имеет потенциал трансформации классического жанра исторического романа (повести), о чем свидетельствуют разновидности его применения в азербайджанской (Эльчин и др.) и казахской (Р. Отарбаев и др.) литературах. В татар-

ской прозе такой тип синтеза обнаруживается и в повести А. Салаха «Сонгы вальс» («Последний вальс», 2002), в которой наблюдается наложение истории романтической любви, вспыхнувшей между Газизом и Айслу, на историю Чернобыльской трагедии, которая ретроспективно всплывает в воспоминаниях главного героя.

Взаимное наложение реального и обобщенно-ирреального начал осуществляется в произведениях, основу которых составляет философское видение прозаика. Например, в романе З. Хакима «Ана жыры»¹ («Песня матери», 2020) совмещаются детективный сюжет о потерявшемся ребенке с философским текстом о поиске человеком своей идентичности. Главный герой, Рахман, в сложное перестроечное время, когда ему было 3 года, потерялся в поезде. Социальная детерминированность, причинно-следственная логика, бытовые и психологические детали, наблюдаемые при описании эпохи 1990-х гг. в реалистическом ключе, опираются на историко-документальную фактологию.

Поиск матери становится для Рахмана поиском себя, своих корней. Эта часть повествования обогащена философскими сентенциями, символами, интертекстуальными связями. Автор уподобляет поиск этнической идентичности поиску смысла жизни: затрагиваются проблемы национальной самоидентификации личности, переустройства мира посредством национальной культуры и системы духовных ценностей. Рахман считает, что человек должен знать своих «маму, папу, родных. Если их не искать, то невозможно, наверно, найти себя в этом мире»². «Мама» уподобляется прозаиком родному языку, родной культуре, национальному самосознанию. Тем самым путь Рахмана воссоздается как путь каждого человека к себе, к своему предназначению, судьбе. Здесь возникает ассоциативная связь с романом Патрика Модiano «Улица темных лавок», в котором подчеркивается важность поиска прошлого для осознания современности.

Идеализированный автором романтический герой Рахман (его имя с арабского языка переводится как «путник») берет на себя функции демифологизации советского прошлого татарского народа. Поэтому философский текст совмещает общечеловеческую философию с национальной проблематикой. Идея спасения татарской нации и человечества путем приобщения к родным корням, своей истории и культуре реализована посредством концептов «жыр» (песня), «юл» (путь), «тел» (язык). Все три образа, прежде всего, выступают как маркеры национального самосознания, спрятанные глубоко в подсознании. Например, З. Хаким так пишет о Рахмане: «Его упорное стремление говорить по-татарски по сути исходило от желания доказать, что он не безродный, а является чьим-то потомком. Желание объяснить свою сопричастность к крупному роду, к великому народу всегда возникало из подсознания, из глубин души» [6. С. 15].

¹ Хаким З. Ана жыры. // Казан утлары. 2020. № 6. Б. 3–80.

² Там же.

В качестве «песни матери» З. Хаким использует татарскую народную песню «Су буйлап» («Вдоль реки»). Содержание песни, символ Волги в нем, в свою очередь, указывают на неразрывную связь судьбы татарского народа с духовностью, верой, песней. Произведение завершается размышлениями героя об этом.

«Когда был вдалеке от родины, в одиночестве, не знал, кем является, эта песня „познакомив“ его с Файруза-апой, „разбудила“ его, открыла глаза. Песня помогла ему не потеряться. Эта песня привела его к родным местам».

«Из-за этой музыки душа приблизилась к всеобщей гармонии.

Эта песня увела к прошлому. А затем вернула к настоящему. Позвала к будущему.

Этот очень родной, близкий голос рассказал о судьбе человека, судьбе народа.

Голос души не может быть фальшивым, он не может ошибаться» [6. С. 79–80].

Концептуализация обеспечивается и названием произведения — «Ана жыры», которое уподобляет песню материнскому благословию. В данном случае для прозаика важным является духовное восхождение человека, поиск себя и смысла жизни.

Такое же явление обнаруживается в романе З. Хакима «Бер сэгатьтэ ничэ мизгел бар?..» («Сколько мгновений в одном часу?», 2022). История Хайдара, из-за болезни оказавшегося в клинике в Германии, воссоздана как реалистически правдоподобная. Там же герой узнает романтическую историю о большой любви своего отца — Самата Гарипова: 1944 год, молодые бойцы Гарипов Самат и Ортвин Мейер встретились и пережили несколько невероятных дней на территории Украины. Самату было поручено доставить пленного Ортвина к месту дислокации советских войск. Однако духовная трансформация, которая происходит с героем за это непродолжительное время (во многом она обусловлена чувством любви Самата к Светлане, с которой он случайно познакомился по пути к расположению своей части), не позволяет герою убить «врага». Любовь заставила Самата по-другому взглянуть на человеческие взаимоотношения, вдохновила на создание прекрасного стихотворения, которым восхищались люди разных национальностей. Позже внук Ортвина озвучит его на разных языках как песню.

Таким образом, история Самата становится лишь первопричиной для основного, романтико-философского текста. В мире, полном несправедливости, предательства, жестокости, зависти, которые оказываются разрушительнее, чем катастрофа войны (это особенно видно в описании послевоенной жизни Самата), любовь помогает быть счастливым, а способность любить продлевает жизнь. Но эта истина осознана не Саматом, а его внуком Хайдаром, который оказался один на один со смертельной болезнью, но узнал прошлое своего деда.

Важную роль в тексте играет и высказанная автором мысль: «От того, какое решение ты примешь в тот или иной момент, какой шаг сделаешь, зависит судьба твоих детей, внуков»³. Она относится и к важному решению молодого Самата и его внука Хайдара, познакомившегося со своим братом, сыном Светланы, выросшим не зная своего отца, и к размышлениям прозаика о войне и мире, о человеческих характерах и судьбах.

В ряде произведений татарских писателей, в которых используется прием синтетизма, большое внимание уделяется экзистенциальному началу в человеке. Например, в повести А. Ахметгалиевой «Кичке таң» («Вечерняя заря», 2018) соединяются две романтические истории (которые могут быть определены как «жизнь для себя» (Динара, Мария Петровна) и «жизнь ради других» (Тимур — Чулпан — Илхам)), с религиозной философией. Одним из двух эпиграфов выбран 281 аят из суры «Бакара»: «Бойтесь того дня, когда вы будете возвращены к Аллаху...».

Повесть посвящена истории из жизни нейрохирурга Тимура Айдаровича, его уникальной операции. Реалистичная история болезни Ильхама, взаимоотношений хирурга и пациента, борьбы человека со смертью совмещается с религиозной философией, в которой на первое место выходит мысль о важности веры для преодоления страха перед смертью, горечи утраты близкого. Этот текст составлен с использованием сур Корана. Религиозный текст имеет самостоятельный характер, сопровождая романтические истории и акцентируя их.

Главный герой повести, «любовный треугольник», ситуация вокруг хирурга напоминают героя романа Г. Абсалямова «Ак чэчэкләр» («Белые цветы», 1966) Абузара Гиреевича и его историю. На это же указывает и часто повторяющийся в повести А. Ахметгалиевой образ белых цветов.

В подобных повести А. Ахметгалиевой произведениях наблюдается не только взаимодействие, но качественное изменение различных стилевых начал. Так, в повести Ф. Гималтдинова «Шом» («Тревога», 2023), наряду с основным реалистическим текстом, находится самостоятельный философский текст. Он воссоздает «поток сознания» Матери-Земли, размышляющей об истории человечества, войн, испытаниях ядерного оружия на полигоне, которое сопровождается легендами и историческими фактами. Название повести, прежде всего, относится к этому тексту.

Реалистичный сюжет развивается как приглашение и поездка друзей на очередное новоселье архитекторов Наили и Фаиля, которые до этого один за другим строили роскошные коттеджи и удивляли близких, а через год-два продавали их и приступали к строительству нового. На этот раз они построили совсем другое сооружение — бункер, наполнив его продуктами на год. Так возникает второй смысловой слой названия повести. Озабоченность прозаика настроением, чувствами человека, который построил бункер или

³ *Хәким З. Бер сәгәтә ничә мизгел бар?: роман.* Казан: Татар. кит. нәшр., 2023. 191 б. С. 119.

людей, ставших свидетелем этого, также может быть обозначена словом «шом». Заставив поверить читателя в истинность изображенного, писатель заканчивает произведение звонком будильника: выясняется, что герой-повествователь видел сон. Но такая игра не уводит историю от реалистичности. Этому противостоит первый философский текст, излагаемый от имени Матери-Земли.

Воссоединение реалистичной истории современности и обобщенно-философской абсурдно-символической истории советского государства впервые в татарской литературе было осуществлено в повести-антиутопии М. Кабировой «Акбабайның туган кене» («День рождения Акбабая», 2004), в которой прозаик обращается к приемам политического шаржа, пародирования и демифологизации.

Зачастую прозаики используют синтетизм при анализе сознательных и подсознательных процессов. Например, в повести «Төш» («Сон», 2015) Гюль Мирхади параллельно рассказываются две истории. Первая — это реалистическая история любви и создания семьи, которая завершается трагедией: самоубийством мужа героини от безысходности, алкоголизма под влиянием сложившихся обстоятельств. Вторая — создаваемая в сознании женщины история, которую она каждый день завершает счастливой концовкой, «спасая» мужа от самоубийства. Однако в этом произведении основным остается первый текст, но абсурд как организующее начало подводит читателя к главному выводу: каждый человек живет одиноко, в плену сожалений, с желанием исправить ошибки. Такой же мотив использован в повести М. Кабировой «Елмаю» («Улыбка», 2008).

В ряде повестей доведение реалистического описания современности до абсурда совмещаются со сказкой и фольклором. Например, в повести «Ике жүләр» («Два дурака», 2014) Р. Батуллы главный герой Сиразетдин представлен в образе сказочного батыра Сабантуя. Рассказывая историю его любви к жене своего старшего брата, историю спасения им юродивого Габдуллы ценой своей жизни во время весеннего половодья, автор акцентирует внимание на таких его качествах, как наивность, готовность прийти на помощь человеку, несмотря на грозящую опасность. Вокруг этой сказочной истории возникает текст, который указывает, что в современной жизни положительное оценивается как негативное, умный — как дурак, ложь представляется как истина в последней инстанции. Модель-перевертыш становится картиной современного социума.

Не только авторы романов и повестей, даже лучших образцов малого жанра — рассказа в татарской литературе последних лет, обращаются к синтетизму, который позволяет расширить содержание текстов до полноценных историй жизни, открыто или иносказательно комментируя социальную действительность, философию человека, историко-культурную ситуацию и т.д.

Одной из первых к приему синтетизма в жанре рассказа обратилась Р. Габделхакова. В рассказе «Сират күпере» («Мост над адом», 2006), события

которого происходят в Афганистане, реалистический текст о кровавой афганской войне и фантастический сюжет обретения веры (иман), который не уместается в логические причинно-следственные рамки, составляют единое целое. Или в рассказе «Китүчеләр» («Ушедшие в никуда», 2006), например, романтическую историю любви и совершения ошибки, реалистическую историю войны объединяет философская позиция автора. В рассказе «Даладан килүче» («Идущий из степи», 2004) в центре внимания оказывается «поток сознания» потерявшего память мужчины, который составляет психологический текст. Эта история амбивалентна и может прочитываться как оценка состояния постсоветского общества, в котором стремление к материальным благам заслонило ценность человеческой жизни, красоты, счастья; и как философия одиночества человека. Описание причин страха и потери памяти мужчиной составляет реалистический текст о гибели семьи, свидетелем которого он становится.

В современной татарской литературе «многослойность» рассказа в стиле в отношении наблюдается также в творчестве Р. Зайдуллы, Р. Батуллы, Р. Мухаметшина, М. Кабировва, Р. Галиуллина и др.

Заключение

Одним из достижений современной татарской прозы выступает художественный синтетизм, который активно проявляется в антиутопиях, но встречается в повестях и даже рассказах. Объединение поэтики различных художественных стилей, взаимопроникновение восточных и западных традиций, философско-художественный синтез воспринимается сегодня как возможность для наиболее выразительной репрезентации нового художественного мышления. Вместе с тем синтетизм позволяет авторам сохранить некоторую общность с классической прозой.

Список литературы

1. Федоров А.А. Введение в теорию и историю культуры: словарь. Уфа: Гилем, 2003.
2. Гарипова Г.Т. Логика и динамика развития русского литературного процесса конца XX — начала XXI века: тенденции и перспективы // Вестник Челябинского государственного университета. 2013. № 20 (311). Вып. 79. С. 36–40.
3. Чжан Цзянхуа. Синтетизм — новое жанрово-стилевое явление современной русской прозы // Мир русского слова. 2011. № 2. С. 61–68.
4. Таборисская Е.М. Литературный процесс: курс лекций по введению в литературоведение. СПб.: Изд-во «Петербургский институт печати», 2001.
5. Юсифли В. Проза: конфликты и характеры. Баку: Язычи, 1986.
6. Юзмухаметова Л.Н. Новые явления в татарской прозе рубежа XX–XXI веков. Постмодернизм: монография. Казань: Изд-во Казан. ун-та, 2016.

References

1. Fedorov, A.A. 2003. Introduction to the theory and history of culture: Dictionary. Ufa: Gilem Publishing House. Print. (In Russ.)

2. Garipova, G.T. 2013. “Logic and dynamics of the development of the Russian literary process of the late 20th — early 21st centuries: trends and prospects.” *Bulletin of the Chelyabinsk State University*, no 20 (311), issue 79, pp. 36–40. Print. (In Russ.)
3. Zhang, Jianghua. 2011. “Synthetism as a new genre and style phenomenon of modern Russian prose.” *World of Russian Word*, no 2, pp. 61–68. Print. (In Russ.)
4. Taborisskaya, E.M. 2001. *Literary process: A course of lectures on introduction to literary criticism*. St. Petersburg: Publishing house “Petersburg Institute of Printing.” Print. (In Russ.)
5. Yusifli, V. 1986. *Prose: conflicts and characters*. Baku: Yazichi. Print. (In Russ.)
6. Yuzmukhametova, L.N. 2016. *New phenomena in Tatar prose at the turn of the XX–XXI centuries. Postmodernism: monograph*. Kazan: Kazan Publishing House. Print. (In Russ.)

Сведения об авторе:

Загидуллина Дания Фатиховна — доктор филологических наук, профессор, Институт языка, литературы и искусства им. Г. Ибрагимова, Российская Федерация, Республика Татарстан, 420111, Казань, ул. Баумана, д. 20. E-mail: zagik63@mail.ru

Bio note:

Daniya F. Zagidullina is a Doctor of Philology, Professor, IYALI named after G. Ibragimov, 20 Bauman St, Kazan, 420111, Republic of Tatarstan, Russian Federation. E-mail: zagik63@mail.ru